

Дэвид

Дэвид открыл глаза и порадовался, что еще может видеть. Молния появилась прямо в библиотеке, и он смотрел прямо на нее. Он никогда не был настолько близок к молнии, чтобы увидеть нечто большее, чем просто белесую вспышку, а изображения ударов молнии всегда производили на него впечатление тонких и веретенообразных, но сейчас размытость покрывала все, кроме краев его зрения.

Он вдруг понял, что это очень больно.

Дэвид снова закрыл глаза, надавил ладонями на веки и безвольно покачал головой, но тут же остановился. Он снова открыл глаза и с облегчением увидел, что теперь все расплывается чуть меньше.

Он снова закрыл глаза. Резкая боль сменилась тупой болью, но и она постепенно утихала. Он был уверен, что все могло быть гораздо хуже. Через несколько мгновений, протирая глаза, Дэвид понял, что сидит на полу.

Он был готов к тому, что гром будет невероятно громким. Он был готов к тому, что молния может вызвать короткое замыкание электрооборудования в библиотеке, но не к тому, что она каким-то образом пробьет себе путь через потолок. И хотя оглушительная ярость молнии встретила тишину библиотеки гораздо быстрее, чем скорость его мыслей, он совершенно не ожидал ощущения жара и последовавшего за ним внезапного чувства невесомости.

Дэвид попытался осмыслить случившееся.

Как и большинство зданий, построенных в его районе, где цены на недвижимость были заоблачно высокими, а разрешения было трудно получить, когда Департамент строительства проявлял сговорчивость, библиотека представляла собой дворняжку, рожденную из пиломатериалов и гипсокартона. Поверх нее была настелена битумная крыша, которая высохла, превратившись в аккуратный, относительно легкий кусок чего-то, что было не совсем резиной и не совсем цементом. Теоретически он был водонепроницаем, но под воздействием стихий расширялся и сжимался, как резина, и образовывал трещины, как цемент. Плюс, конечно, была низкая цена.

Решение проблемы неизбежных протечек, как, например, особенно упорной протечки на кухне Дэвида, заключалось не в замене крыши на что-то более прочное, а в том, что люди, которые должны были носить каски, взбирались по стенам дома с помощью лестниц, балансируя галлонами состава, по цене сравнимого с краской. Это была смесь алюминия и различных растворителей и пластмасс с невероятно длинными названиями, которую наносили на асфальт раз в несколько лет или около того в дни без дождя. Она быстро высыхала, превращаясь в изоляционную пленку, которая была не совсем металлической, не совсем пластиковой и не совсем надежной. Но плюсы были очевидны.

Прогуливаясь летом по району, Дэвид вдыхал металлический привкус реактивов и удушливый запах промышленности, который стекал с крыш по мере высыхания.

Именно на этот запах он обратил внимание в первую очередь, продолжая тереть глаза. Тяжелые металлы, горящий пластик и озон. Конечно, это объясняло, почему молния ударила в крышу, а не в спутниковую антенну.

Но это не объясняло внезапный удар силы, которая вырвалась наружу от молнии и оставила его плашмя на полу.

У Дэвида зазвенело в ушах от последовавшего за этим грома, но звук ливня, обрушившегося на улицу, был безошибочным.

Пожара не было. Обжигающий сухой жар был незабываемым, но эфемерным. Возможно, он едва не ослеп, заглянув в коронный разряд молнии, но свету был нанесен неизгладимый ущерб. Невидимая сила пришла вместе с жаром и стала причиной возможных травм.

Дэвид снова открыл глаза, огляделся и понял, почему дождь был таким шумным. Двери в библиотеку были слегка приоткрыты, и дождь действительно попадал в библиотеку, потому что в ней не было ни одного окна с целым стеклом. Но Дэвид был слишком жив, чтобы это мог быть взрыв газа.

Подкравшееся к нему прозрение было не столько похоже на момент прояснения, сколько на пропуск вопроса в тесте, на который он забыл ответ, а потом догадался об этом через несколько вопросов.

Внутри библиотеки не было вакуума в строгом смысле этого слова, но она, несомненно, представляла собой герметичное пространство, которое номинально дышало через вентиляционные отверстия и кондиционеры. Здание, видимо, было спроектировано с расчетом на защиту старых книг от влажности и других неблагоприятных факторов окружающей среды, потому что окна не открывались.

Поэтому, открывая двери, Дэвид всегда представлял себе туалетный вантуз и порыв ветра, похожий на порыв двери холодильника.

Если бы это был обычный обломок, упавший с неба и способный пробить потолок, то, по мнению Дэвида, раздался бы тихий хлопок, полностью замаскированный звуком обрушившейся крыши. Он с трудом представлял себе, как это могло произойти и что вообще можно считать обычными обломками.

Дэвид отметил постоянную боль в костях. Боль была не слишком сильной, но игнорировать ее было невозможно - такая боль была достаточно назойливой, чтобы убедить Дэвида, что он все еще жив.

Молния, которая была настолько горячей, что не подходила под определение традиционных форм материи, встретила с прохладным, сжатым пузырьком воздуха в библиотеке, и часть этого тепла передалась ей. Воздух обнаружил необходимость занимать гораздо больше места, чем было доступно, и единственное отверстие было проделано молнией.

Пострадали стекла всех окон, несколько книжных полок, которым хватило ума довериться стенам библиотеки, и Дэвид, которого подхватили и отшвырнули на несколько ярдов. Дэвид был уверен, что это не какая-то космическая расплата за то, что он имел наглость проспать урок химии на втором курсе средней школы, а затем повторить это на физике в следующем году.

Он оттолкнулся от пола ладонями и заметил, что его стул стоит в нескольких футах позади него, на спинке с перекошенными ножками. К счастью, у него выработалась дурная привычка располагаться под острым углом над всем, что он читает, - буквально на краю своего сиденья, и они разошлись в разные стороны в результате взрыва.

Дэвид не заметил, как в правую ладонь вонзилась заноза, что пол был колючим и зернистым.

Теперь, когда глаза привыкли к освещению, он понял, что ни одной из длинных

флуоресцентных ламп, которыми были устланы потолки библиотеки, не осталось. Стекло разбилось на миллион осколков и покрыло пол консистенцией крупного, искрящегося песка так, что казалось, будто кто-то насыпал блески в кондиционер.

За окнами библиотеки все еще был поздний вечер, хотя из-за дождя это было трудно определить, но в здании, благодаря хорошо отполированным полам и остаткам стеклянных трубок, забрезжил слабый серый отблеск дневного света.

Библиотека была освещена, как ясная ночь после метели - Дэвид даже смог прочитать состаренные таблички, прибитые к верхушкам книжных полок для тех, кто не знаком с десятичной системой Дьюи*.

(*Десятичная система Дьюи - это система классификации, используемая библиотеками для упорядочивания книг по предметам. Каждой книге присваивается номер товарного знака, который обычно находится на корешке книги и расположен в порядке номеров).

Он осторожно встал, стараясь не задеть рукой пол. Ему повезло. Осколок стекла не попал глубоко.

Мать Дэвида всегда рассказывала безумную историю о том, как одна ее знакомая попала в автомобильную аварию, осколок стекла попал ей в кровь и убил ее. Он не очень-то в это верил, но без глубокого пореза на руке вполне мог обойтись.

Прямо в поле его зрения находился профиль кассы и стойки бронирования. Его сердце бешено заколотилось, а на лбу выступил пот от нахлынувшего отчаяния. За стойкой под неестественным углом лежала сжатая фигура, и он понял - понял сразу, как только взглянул, - что это может быть только мистер Уоттерсон.

Только услышав хруст стекла под ногами, Дэвид понял, что находится менее чем в десяти шагах от библиотекаря. Мистеру Уоттерсону, сидевшему за кассой, повезло меньше. Взрывом его отбросило назад, на книжные полки позади него. Книги, представлявшие собой комбинацию возвратов, которые еще не были рассортированы для возвращения на свои места, и брони, листы которой с соответствующими данными были прикреплены тонкими резинками, лежали на полу некрасивой грудой.

Мистер Уоттерсон сгорбился, наполовину упираясь в книжную полку. Рана на его шее вызывала меньше опасений, чем угол, под которым она была, или густая, липкая лужа крови, которая образовалась под ним и медленными струйками стекала по телу.

Дэвид прикусил губу, чтобы сдержать крик, и почувствовал раздражение от того, что желчь поднимается у него в горле, а колени внезапно задрожали. Он выпрямился, резко вдохнув, прежде чем понял, что из отверстия размером с люк в потолке перед кассой, расположенного примерно на таком же расстоянии от Дэвида, как и мистер Уоттерсон, льется коктейль из грязи, мусора и дождевой воды.

Несомненно, именно туда ударила молния. Дэвида выбило со стула, несмотря на то что он находился на другом конце библиотеки, а мистер Уоттерсон оказался так близко, как только можно было, чтобы его задело. Взрывная волна выбила окна еще дальше, на противоположной стене.

Под местом удара находился удивительно большой, залитый водой обломок, состоящий, как и ожидал Дэвид, из дерева, гипсокартона и асфальта, превратившихся в дымящуюся, почерневшую, пузырящуюся массу. Пар, который все еще поднимался от него, не шипел, но

если бы не дыра в потолке, через которую, словно из крана, лилась вода, Дэвид был бы уверен, что смотрит на бушующий огонь.

Дэвид молча стоял, ссутулив плечи и склонив голову, и переводил взгляд с льющейся воды на мистера Уоттерсона и обратно. После того как он стал достаточно взрослым, чтобы мать могла доверить ему ключи от квартиры, в которой они жили, Дэвид редко ходил в библиотеку. В последние годы дорога до школы занимала почти час, поэтому, даже если бы нашлась книга, которую он мог бы взять на время, а не покупать в интернете, Дэвид никогда не выходил из дома, чтобы посетить библиотеку.

Он и не подозревал, что этот редко разговаривающий человек был тем же библиотекарем, что и бешеный, неорганизованный дисциплинарный работник, который проверял, делает ли он домашнее задание, когда никого не было, и кричал на него за чтение во время поедания шоколадных батончиков.

Пар уже рассеялся, и на месте кассы образовалась лужа с консистенцией грязного пруда, которая уже достигла кассы и растеклась вокруг нее маленькими неглубокими дорожками, которые распространялись наружу, увеличиваясь в размерах и разделяясь, как образцовая река нечистот, а не воды. Он сверкал стеклом из разбитых осветительных трубок и блестел тошнотворным перламутровым химическим блеском. Пахло необычно, не то обугленным пластиком, не то реактивами. Он был почти терпким или кислым.

Дэвид нахмурился.

Он не мог вспомнить, когда в последний раз шел такой сильный дождь. Несколько лет назад был ураган, который пронесся по всему восточному побережью и затопил канализацию, разлив ее содержимое на улицу, но, учитывая размер дыры в потолке, вода, которую можно было собрать до удара молнии, уже должна была закончиться.

Еще минута не принесла никаких изменений в том, как вода хлынула в здание, и именно это дало Дэвиду последний намек на то, что это был за запах. Он был таким же, как и тот, что исходил от кондиционера в кабинете истории в прошлом семестре, одном из немногих кондиционированных классов во всей школе.

Протекающая охлаждающая жидкость воняла так сильно, что все согласились, что стоит беспокоиться. Какая-то труба, питающая систему охлаждения, лопнула, и в довершение ко всему библиотеку топят.

Дэвид вздохнул и оглянулся на мистера Уоттерсона. Вода добралась и до него.

От несправедливости всей этой ситуации у Дэвида непроизвольно сжались кулаки. Мистер Уоттерсон попал в эту ситуацию, потому что он был достаточно добр, чтобы не пинать его и...

'Элис!'

Дэвид затрясся от ярости, разворачиваясь и устремляясь в другой конец библиотеки. С злобно-насмешливой ухмылкой он отметил, что, возможно, бег не так уж и плох, раз он не слышит эха своих шагов над звуками дождя, льющегося через открытые окна, воды, хлещущей из дыры в потолке, и угрожающих раскатов грома.

Эта мысль в одно мгновение была полностью забыта, а на смену ей пришел вполне реальный страх, что у него галлюцинации.

Элис не шевелилась.

Она все еще мирно спала в той самой ненадежной позе, когда костяшки ее пальцев впиваются в щеку на раскладном стуле, который не двигался, а ее левый локоть упирается в стол, который также не двигался. Рядом с ней лежала ее гуцинь, которую он небрежно засунул в дорожный футляр и прислонил к столу под углом рядом с ней. Потребовалось несколько попыток, прежде чем она перестала медленно соскальзывать. Он продолжал наблюдать рядом с ней и не двигался.

"Что..." - пролепетал он, не в силах озвучить вопросы, которые хотел задать, не имея никого, кто бы мог на них ответить, и не зная, хочет ли он вообще знать ответы.

За окнами на стенах позади Элис сверкнула молния, достаточно близко, чтобы испугать его, и осветила каждое окно, как вспышка фотоаппарата, оставив между ними длинные тени, разделив помещение резким контрастом.

Ни одно окно не было целым. В каждом из них было разное количество разбитых стекол, все еще цепляющихся за иллюзию в виде рамы. Дэвид позволил угрозе новых молний сделать за него выбор.

Он бодро подошел к Элис и, перегнувшись через стол напротив нее, начал легонько трясти ее за плечи, которые все еще легко двигались вверх-вниз при дыхании.

"Элис, проснись. Нам нужно идти, буря снова набирает силу!"

Он не мог даже пошевелиться. На мгновение он поразился тому, как она прекрасна. Линии ее лица выглядели почти скульптурными, а на тонких, хорошо очерченных губах играла улыбка. Она была похожа на шедевр художника, который решил запечатлеть образ чего-то потустороннего - феи, сирены, бессмертного, он не был уверен. Он поймал себя на мысли, что она проклята, как Спящая красавица.

Снова раздался гром, удивительно злой и удивительно близкий.

Он снова потряс ее за плечи.

"Нам очень, очень нужно уходить..." - пробормотал он, почти полностью уверенный, что она его не слышит.

Ответа не последовало.

"Пожалуйста, Элис, нам действительно нужно уходить! Сейчас будет наводнение, и буря усиливается. Мистер Уоттерсон уже..." - Дэвид не смог закончить фразу и попробовал другую. "Мы здесь больше не в безопасности!"

Гром ответил ему, протяжно и громко.

Дэвид был уверен, что сходит с ума, потому что начал думать о том, что чувствует гром.

На этот раз он был торжествующим и насмешливым.

Он не был уверен, откуда он это знает, но за мгновение до того, как это случилось, это казалось ему совершенно неизбежным, как в греческих мифах о судьбах, сплетающих историю мира до того, как она произошла.

Дэвид облокотился на стол и окинул Элис коротким, пристальным взглядом, словно пытаясь запомнить ее черты, а затем обнял ее за плечи и прижал к себе.

Молния поразила их в разрушенной Библиотеке....

<http://tl.rulate.ru/book/104735/3669596>